

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

УДК 130.2+37.013:316.61

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-7-15

А.П. Воеводин

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ (ОБРАЗОВАНИЕ VERSUS ВОСПИТАНИЕ)

Неустанное воспроизводство человека является важнейшей функцией культуры. Человек в виде культурно доминирующих универсальных знаний и ценностей «входит» в биологическое тело в процессе осмысления взаимодействия вещей в целесообразных актах практической деятельности и трансформации первоначальных практических смыслов в когнитивные и ценностные смыслы. Антропное воспроизводство когнитивных смыслов осуществляется в системах образования, а ценностных смыслов в процессах воспитания.

Ключевые слова: *культура, человек, образование, воспитание, практические смыслы, когнитивные смыслы, аксиологические смыслы, эстетический образ.*

В современных условиях обостренной конфронтации культур свое существование сохраняют только те общества и те культуры, которые в ответ на разрушительные вызовы дискредитации традиционных ценностей смогли найти адекватные механизмы их культурного воспроизводства и утверждения в сознании конкретного человека. Борьба с навязываемыми ложными ценностями нуждается в теоретическом осмыслении способов бытия ценностных смыслов в сознании человека. Трудность заключается в том, что в практике воспитания и культурного воспроизводства человека доминируют обыденные представления об индивидуальной исключительности ценностного сознания конкретного человека, а в теоретических исследованиях отсутствует ясность в понимании отличия когнитивных и ценностных смыслов, отождествление которых не позволяет правильно сформулировать функциональные отличия образования и воспитания.

Целью статьи является уточнение механизмов происхождения и бытия когнитивных и ценностных смыслов и на этой основе различения целевых функций образования и воспитания как институциональных форм культурного воспроизводства человека.

В основе теоретических концептов культуры лежит несомненный факт качественного отличия общества от природы, из которого следует закономерный вывод о культуре как неестественном или сверхъестественном способе бытия. Культура появляется вместе с человеком и обществом в совместной деятельности индивидов в процессе социального ограничения и культурной трансформации зоологических инстинктов в человеческие нормативные формы их удовлетворения [1. С. 62–63]. Не случайно большинство исследователей в интерпретации культуры подчеркивают надбиологический характер человеческой деятельности и часто понимают ее как социальный опыт предшествующих поколений. Быть культурным значит уметь «двигаться по-человечески», в соответствии с объективно существующими и одобряемыми тем или иным сообществом стандартными формами или нормами человеческой деятельности. В такой интерпретации культура предстает не как «застывшие вещи» или загадочные «трансцендентные ценности», не просто как совокупный результат человеческой деятельности, но как особый тип (форма) социального движения, в котором путем постоянного *опредмечивания и распредмечивания* *ненаследуемой в генах социальной информации*

транслируется и воспроизводится человек в его виртуальном и предметно-материальном, телесном смыслах. А это, в свою очередь, означает, что основная и неустраняемая функция культуры заключается в «человекотворчестве», неустанном воспроизводстве человека, во всей полноте всех форм его существования. Человек – это состояние, которое творится непрерывно (М. Мамардашвили). Забвение или сознательное уничтожение таких форм, которое каждодневно демонстрирует современная политика, ведет к примитивизации, расчеловечиванию или вовсе к уничтожению человека как такового. Поэтому эффективное осуществление целевой функции культуры во многом определяется существующими представлениями о человеке.

Последние грешат традиционными просветительскими предрассудками обыденного сознания и, прежде всего, индивидуалистическими представлениями о себе как контрарном миру единичном наблюдателе, содержание мышления которого, с одной стороны, в рамках предустановленной гармонии удивительным образом совпадает с устройством мира и потому является тождественным для всех, а с другой, парадоксальным образом акцентируется субъективная исключительность человеческой индивидуальности. Для современной антропологии и культурологии труднопреодолимым препятствием все еще остается европейский антропоцентричный миф о «туннельности» восприятия, необходимость преодоления психофизиологического ощущения единичности «выглядывающего из тела», чувствующего и рефлектирующего самого себя субъекта [2].

Неповторимость и своеобразие каждого конкретного человека – это бесспорный факт. Но также бесспорным является и наличие в нем того общего виртуально-смыслового содержания, что определяет его как вид, делает его собственно человеком. Причем в этом противоречии уникального и универсального ведущей стороной является как раз общее, именно то, что объединяет индивида с другими людьми, а индивидуальные отличия часто интерпретируются как девиация, как досадное отклонение от общего правила. Современный взгляд на человека нуждается в последовательном преодолении субъективистских феноменологических представлений о якобы уникальной единичности созерцающей мир психики. Поверхностная абсолютизация единичности создает теоретическую проблему «дурной бесконечности», поскольку «единичное» в философии понимается как абсолютно неповторимое и поэтому внутри себя столь же бесконечное в своих индивидуальных проявлениях, как и весь бесконечный космос. Это значит, что каждая единичность нуждается в собственном комплексе изучающих ее наук, из чего следует, что раскрытие ее тайн за пределами науки, ибо полное ее описание невоспроизводимо и уводит исследователя в дурную бесконечность.

Не отрицая индивидуальных отличий каждого конкретного человека, следует, все же обратить внимание на то, что неповторимость свойственна каждому индивиду в той же мере, как и любой элементарной частице бесконечной вселенной. Все в мире уникально, в том числе, как едко, но справедливо замечают Р. Уллек и О. Уоррен, «исключительна» и куча мусора по своей физической структуре и химическому составу, которые не могут быть в точности повторены [3. С. 35]. Акцентирование неповторимости человеческой единичности обесмысливает само понятие человеческой индивидуальности как составной части общества, как особенного способа представленности и бытия общего в культуре. Но именно культура как нормативная совокупность надбиологических правил, как правильное, то есть социально одобряемое и регламентируемое общее объединяет людей в сообщество, обеспечивает совместное сосуществование, деятельность, взаимопонимание и общение людей. В соотношениях единичного и общего ведущим всегда оказывается общее. Элементы обретают свое неповторимое своеобразие только в рамках структуры целого. Весь вопрос в том, каким образом существует и как понимается это общее в обществе.

Конкретному человеку общее открывается в процессах обучения, образования и воспитания в виде программной совокупности социально общезначимых смыслов и навыков целесообразной деятельности, персональная оригинальная совокупность которых обнаруживает себя в особенных индивидуальных формах человеческого восприятия мира, общения и деятельности. Только в приобщении к культуре индивид обретает свою подлинную, а не мнимую оригинальность. Тем самым культурные смыслы одновременно объединяют людей, создают возможность взаимопонимания и совместной деятельности и в то же время делают их индивидуально отличными друг от друга. Важно отметить, что смыслы лежат в основе функционирования общества и определяют собой не только сходство и индивидуальные отличия конкретных людей, но также определяют своеобразие конкретных исторических типов культуры и соответствующее им антропологическое многообразие исторических *типов человека*. Многообразие антропологических типов, в свою очередь, обуславливает их внутривидовую конкуренцию и соперничество, вплоть до межкультурных конфликтов и даже войн.

Вопросы о сущности человеческого смысла имеют непосредственное практическое значение и активно обсуждаются в современном теоретическом сознании. Однако, несмотря на многообразие обстоятельных исследований, *смысл смысла* во многом остается загадочным и не проясненным, а его многочисленные дефиниции зачастую оказываются взаимоисключающими и несовместимыми. В целом все многообразие точек зрения традиционно укладывается в два основных подхода к пониманию смысла – коммуникативно-семантический и деятельностный. Первый связывает смысл с инвариантным содержанием человеческой мысли, а второй с ценностной организацией социальной деятельности людей [4. С. 3–4].

Коммуникативно-семантические трактовки смыслов представлены в основном в рамках лингвистических и логических исследований, а его ценностные интерпретации доминируют в работах, анализирующих структуру и психологические обстоятельства социальной деятельности. Тем самым складывается возможность теоретического противопоставления «семантических» и «деятельностных» смыслов [5]. Хотя, скорее, нужно говорить о «когнитивных» и «практических» смыслах, поскольку коммуникация и сопутствующая ей семантика тотально пронизывают всю собственно человеческую деятельность, а сознание имеет общественной характер и не существует у отдельно взятого человека. Подобная множественность противоречащих друг другу интерпретаций ставит перед наукой непростую онтологическую задачу верификации действительного сосуществования двух родов смыслов, в противном случае нужно признать, что такое противопоставление существует только в воображении исследователей.

Сомнение в подобном теоретическом разделении смыслов высказывает А.С. Кравец. Исходя из тезиса, что и смысл, и ценность «определяют через значимость», он полагает, что «существующее противостояние указанных концепций порождает... иллюзию, будто существуют два рода смыслов – семантические смыслы, применимые для трактовки коммуникативной деятельности, и ценностные смыслы, доминирующие во всех других сферах человеческой деятельности» [4. С. 6, 8, 4]. Хотя, по его мнению, «нет никаких разумных доводов для того, чтобы противопоставлять коммуникативные смыслы деятельностным», так как «с точки зрения логического строения мысли (ее формы) вообще нет никакого различия между выражением мысли об имманентных свойствах предмета и его ценностных характеристиках» [4. С. 5, 11].

Опрометчивость такого рода утверждения бросается в глаза. Определяя смысл как способ бытия мысли («смысл всегда связан с мыслью», это «правильно сформулированная мысль» [4. С. 7, 3]), автор прячет смысл слова «смысл» за смыслом слова «мысль» и фактически отождествляет их. Но каков в таком случае смысл слова «мысль»? В академических изданиях мысль определяется как результат мышления, существующий в форме правильного суждения или понятия, а мышление, в

свою очередь, определяется как процесс рождения новой мысли; то есть мысль определяется через мышление и наоборот, мышление через мысль. Круг замкнулся. И где же здесь смысл? Очевиден парадокс бессмысленности выявления сущности смысла через мысль, которая, в свою очередь, понимается как способ существования смысла и зачастую ограничивает смысл понятийной сферой мышления.

В действительности же мышление представляет собой умственную процедуру произвольного (инструментального, знакового) оперирования осмысленными образами сознания. Психология констатирует существование не только понятийного, но и множества иных типов и форм мышления, соответствующих им логик, смыслов и семантических структур, в том числе и особого художественного мышления. Если мы обратимся к музыкальному образу и музыкальному смыслу, то какими логическими средствами можно адекватно выразить культурно-эстетическую ценность музыкального смысла инструментального музыкального произведения, ми-минорной прелюдии Ф. Шопена (опус 28), например? Музыкальный язык выражает вовсе не когнитивные рационально-теоретические, но исключительно ценностные музыкальные смыслы. Рационально-теоретические смыслы в состоянии лишь косвенно интерпретировать музыкальное произведение (в нашем примере как состояние ностальгии), но не могут адекватно выразить ценностный смысл эстетического образа, а тем более, *не могут заменить понятиями чувственное переживание ритмо-интонационного содержания* его звучания.

И это касается не только эстетической деятельности или любого вида искусства, но также всех духовно-практических форм аксиологического сознания, в том числе религиозного смысла, нравственного смысла, потребительского смысла и т.п. Вероятно, существует какой-то особый чувственно-конкретный способ постижения ценностных смыслов (в морали и искусстве это сопереживание), который невозможно заменить рациональными средствами, подобно тому, как слепому невозможно объяснить, что такое желтый, а глухому все ценностные прелести прелюдий Ф. Шопена. Можно также обратить внимание на бесчисленные примеры противоречия семантического и ценностного смыслов в интерпретации, например, исторических событий и фактов. Поэтому умозрительный тезис о единстве коммуникативно-семантических (когнитивных) и ценностных смыслов нуждается в дополнительном конкретно-практическом обсуждении.

Ключевой вопрос здесь: откуда берутся смыслы? Сторонники коммуникативного концепта смысла этот вопрос не ставят, хотя именно от ответа на него зависит понимание сущности и разнообразия форм смыслов. Как известно, существуют две полярные точки зрения на этот счет. Одна из них исходит их парменидовой идеи тождества бытия и мышления и утверждает источником смысла сознание, будь то в гегелевской объективистской интерпретации или берклианской феноменологической. Э. Гуссерль, например, видел такой источник в интенциях сознания [6. С. 183–185]. Другая точка зрения рассматривает человеческие смыслы как результат процесса отражения внешнего мира в психических образах. Но если теория тождества абсолютизирует творческую активность сознания и поэтому не может объяснить устойчивость и повторяемость смыслов, факт их одновременного сосуществования у многих людей, то теория отражения, напротив, фиксирует объективную устойчивость и воспроизводимость смыслов, однако не может объяснить факт существования разнообразия смыслов, в том числе и у одного и того же человека. Особый взгляд излагает Ж. Делез, который вообще не может определиться со способом существования смысла. Для него смысл это «бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему сущность ... Ибо нельзя даже сказать, существует ли смысл в вещах или в разуме. У него нет ни физического, ни ментального существования» [7. С. 38–39]. Остается только догадываться, каким же образом удастся смыслу влиять на деятельность людей, живущих и действующих в реальном предметном мире.

Общим признаком указанных теорий по-прежнему остается когнитивный индивидуализм, «гносеологическая робинзоада», которая рассматривает человека в традиционных эпистемологических границах как противостоящего познаваемому миру одинокого субъекта, в то время как человек – это, прежде всего, существо коллективное и социально-практическое, которое существует лишь в непрерывном активном преобразовании себя и окружающего мира, являясь неотъемлемой деятельной его частью [8. С. 6–7]. Человек изначально оформляется в самостоятельно существующий и действующий вид как существо практическое, предметно-деятельное, а не пассивно-созерцательное. Основу человеческой переделки мира образует целенаправленная деятельность – фундаментальный закон бытия человека. Слово «человек» в арабском языке этимологически связано с понятием «целеполагание» [9]. Отсутствие целеполагания лишает индивида смысловых ориентиров и ведет к бессвязному перебору эмпирических действий.

Смысл не приходит к человеку в готовом виде откуда-то извне, а первоначально появляется у ребенка в процессе имитации схем (сценариев) целесообразной человеческой деятельности и культурного оформления перцепций непосредственно данного чувственного опыта, которые в виде дорациональных культурных констант образуют предметно-образное основание центральной зоны его картины мира [10. С. 5]. Когнитивное и ценностное содержания смысла изначально вплетены в целостный многокомпонентный образ интериоризованного обобщения функциональной телеологической соотношенности образов вещей в рамках взаимодействия «цель – средство». В интериоризованной схеме-модели целесообразного акта практического действия индивиду открываются устойчивые значимости взаимодействующих вещей с точки зрения целевого результата их взаимодействия. Еще раз подчеркнем, смысл образа вещи открывается индивиду не непосредственно в единичном акте восприятия, а опосредованно, сквозь темпоральную призму целевого практического результата использования данной вещи и соответствующую связь образов в структуре утилитарного акта. Но уже здесь закладывается возможность последующего разделения смыслов. Культурные константы и сопровождающая их ценностная конфигурация соотносятся как способ действия и цель действия. Культурные константы не содержат в себе представления о направленности действия и его значимой ценности.

Первичные смыслы открываются в целостной совокупности чувственных образов целесообразного практического действия, в которой каждый элемент получает свое предметное и ценностное значение посредством функционального отнесения к результату действия. Смысл невозможно понять, игнорируя чувственно-образную природу предметного мышления. Глубокая и неустранимая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что их смысловая определенность порождается в телеологических процессах целесообразной практической деятельности, связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность [11. С. 139].

В своей сущности смысл и есть свернутая программа целостного практического действия. Смысл линии или окружности, писал И. Кант, обнаруживается в процессе телесного движения по начертанию линии или окружности. Когда И. Кант говорит, что «для того, чтобы познать что-то в пространстве, например, линию, я должен *провести* ее, стало быть, синтетически осуществить определенную связь данного многообразного, так что единство этого действия есть вместе с тем единство сознания (в понятии линии)» [12. С. 132], то он отчетливо указывает на целесообразно-деятельную природу понимающего мир мышления, которое посредством целесообразно-логического согласования понятий имитирует целесообразные акты или технологию практического телесного движения. Поэтому в данном контексте смысл может быть интерпретирован

в качестве *необходимой структуры понимания*, как мысленное структурное представление целесообразных актов понимания или же, что точнее, как *свернутую программу целесообразного движения* независимо от того, где оно осуществляется – в сформированных под воздействием целесообразной деятельности морфологических структурах мозга или среди реальных вещей [10. С. 11].

Первичные образы носят практический характер, в них когнитивный и ценностный смыслы сосуществуют слитно, еще не разделены, поскольку выделение образа вещи из продиктованного успешной практикой синкретического представления целесообразной последовательности ощущений и установление его функциональных особенностей определяются в результате естественной эмоциональной оценки эффективности каждого образа относительно цели действия. В условиях отсутствия специализированного рационального мышления определяющую роль здесь выполняет эмоциональная рефлексия, в которой эмоция выделяет образ, устанавливает его значимость, стимулирует повторение действия и тем самым закрепляет в памяти выделенный гносеологический образ и его ценностный смысл [13. С. 86–100]. Врожденная биологическая эмоция усложняется, ее предметно-образная структура выстраивается в соответствии со схемой утилитарного акта, последовательность образов принудительно диктуется структурой успешного целесообразного действия. Так на врожденной биологической основе формируется культурная социальная эмоция и соответствующий ей первичный утилитарно-практический смыслообраз вещи.

По сути дела, значимый смысл вещи проявляется для индивида через призму ее взаимодействия с другими вещами. А это значит, что одна и та же вещь в различных конфигурациях практических ситуаций обретает различный относительный смысл (например, степени твердости или мягкости), который является абсолютным только в рамках конкретного практического действия. Различная функциональная роль первичных смыслов порождает противоречие утилитарных оценок и, соответственно, противоречие ценностных смыслов, которое ставит индивида в ситуацию выбора. В ответ закономерно появляется жизненная необходимость преодоления релятивизма непосредственных чувственных оценок с последующей когнитивной рационализацией и понятийной объективацией смысла. Вторичные когнитивные смыслы строятся на основе практического обобщения первичных практических смыслов, дифференциации первичной целостности и абстракции (выделения) обособленных когнитивных образов с устойчивыми онтологическими и функциональными значениями повторяющихся свойств вещи в различных практических ситуациях. Первичный практический смысл, существующий в виде культурного сценария чувственно оформленной картины целесообразного действия, в результате многократных повторений абстрагируется из практического контекста, обобщается и получает вербально-понятийное (когнитивный смысл) или эстетическое знаково-символическое (ценностный смысл) закрепление. Параллельно происходит обобщение ценностного смысла и появление возможности его самостоятельного воспроизведения в искусственной актуализации эмоционального переживания посредством эстетических знаков.

Обобщающий механизм рационализации разрушает непосредственную связь смысла и практического действия, приписывает смысл знаку, закрепляет повторяющиеся смыслы в виде словаря абстрактных значений вне конкретного целесообразного контекста и, как это ни парадоксально, подобным упрощением искажает реальность, делает ее противоречивой и внерациональной. В результате таких обобщений происходит дифференциация синкретизма первичного смысла на сугубо когнитивные смыслы, преодолевающие субъективную предвзятость понимания и оценки, и собственно ценностные (практические) смыслы, которые хотя и строятся на основе предметного когнитивного образа, но обладают относительной психологической самостоятельностью. Соответственно складываются два ведущих способа психологической организации смыслов – раци-

онально-понятийное и эстетическое сознание, на основе которых образуются теоретическое мышление и впоследствии наука и художественное мышление, искусство. Функциональное призвание науки – выявление универсального онтологического содержания смыслов, их родовидовая классификация, а также функциональные смыслы организации человеческой деятельности (*theorie* и *techne* в определении Аристотеля). Социальная задача искусства – эмоционально-образное моделирование ценностного содержания и особенностей эмоционального переживания социокультурной значимости явлений действительности. Предметом художественного познания является не устройство действительности, это дело науки, а эмоциональный мир общества, но не сам по себе, а в связи с выявлением социально-практической значимости явлений действительности в соответствующей этому значению эмоционально-смысловой формы, в которой они существуют в сознании и памяти человека [14. С. 241]. Так, путем сопереживания эстетическим образам искусства человек осваивает нравственные, религиозные, исторические и прочие общественные ценности, посредством приобщения к которым формируются и его личные ценности.

Культурная институализация указанных форм человеческого овладения когнитивными и ценностными смыслами оформляется в виде присущих каждому обществу систем образования и воспитания. Цель образования – приобщение индивида к существующей системе знаний, формирование у него доминирующей в данной культуре понятийной картины мира. Цель воспитания – формирование системы ценностных ориентаций индивида, ценностной картины мира и адекватных ей стимулов социальной активности, системы социальных эмоций, посредством эстетического преобразования среды и образа жизни человека. Эстетическая семиосфера способна моделировать любые социальные эмоции. Эстетические процессы в широком смысле слова направлены на всестороннее развитие чувственных основ ценностного сознания личности, опыта непосредственного переживания и актуализации ценностных смыслов посредством эстетических знаковых средств.

Таким образом, в отличие от иррационализма природной целесообразности, человекотворческая функция культуры создает условия формирования осознанно-целенаправленной человеческой деятельности, которая необходимо включает в себя: *когнитивные смыслы* – объективные знания устройства действительности; *функционально-технологические смыслы* постановки и достижения целей, а с ними умения и навыки целесообразной деятельности; *ценностные смыслы* – стимулы социальной активности, социальные эмоции, мотивационные основы деятельности.

Литература

1. Семёнов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.
2. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий: материалы круглого стола / В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов и др. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1499 (дата обращения: 03.06.2024).
3. Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. М.: Прогресс, 1978. 326 с.
4. Кравец А.С. Смыслы и ценности // Вестник Московского университета. 2007. № 6. С. 3–27.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 311 с.
7. Делез Ж., Фуко М. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.

8. Воеводин А.П. *Substantia humana* // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. № 1–2. С. 3–17.
9. Вашкевич Н.Н. Системные языки мозга. М.: Белые альвы, 1998. 339 с.
10. Воеводин А.П. Информация и смысл // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2014. № 3. С. 3–19.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
12. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2009. 736 с.
13. Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 143 с.
14. Воеводин А.П. Эстетическая антропология. Луганск: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2010. 386 с.

Meanings and Values of Culture (Education versus Upbringing)

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2024, 3 (94), 7–15.
DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-7-15

Alexey P. Voevodin, Matusovsky academy of culture and arts (Lugansk, Russian Federation).
E-mail: voevodin.47@mail.ru

Keywords: culture, man, education, upbringing, practical meanings, cognitive meanings, axiological meanings, aesthetic image.

Human creation is the purposeful function of culture. Man “enters” the biological body in the form of universal knowledge and values dominating in culture in the process of comprehension of the correlation between the interaction of things in expedient acts of practical activity. In its essence, meaning is a coiled programme of integral practical action. However, the process of formation of a person needed by society faces methodological difficulties in distinguishing between gnoseological and axiological meanings, psychophysiological differences in the ways of comprehending knowledge and value. Education is traditionally regarded as a procedure of acquiring knowledge, while adequate comprehension of values occurs through their emotional experience. The dominance of rationalism in the modern education system leads to underestimation of the importance of the role of social emotions as instruments of value awareness formed by society and, accordingly, underestimation of the role of axiological education of social activity stimuli, underestimation of the regulatory function of socially significant feelings and exaggeration of the personal factor. Overcoming panrationalism in education is possible through the comprehensive development of the sensual foundations of the spiritual-practical, value consciousness of the individual with the help of aesthetic sign means. Nothing can be compared to such “aesthetic weapons” in terms of the power of influence on people’s activities, up to the destruction of the very foundations of their own existence, if it takes the appropriate aesthetic form.

References

1. Semenov, Yu.I. (1974) *Proiskhozhdenie braka i sem'i* [Origin of marriage and family]. Moscow: Mysl.
2. Lektorsky, V.A. & Dubrovsky, D.I. & Ivanov, D.V. (and others) (2016) *Chelovecheskaya sub"ektivnost' v svete sovremennykh vyzovov kognitivnoy nauki i informatsionno-kognitivnykh tekhnologiy: materialy kruglogo stola* [Human Subjectivity in Light of the Current Challenges in Cognitive Science and in Information and Cognitive Technologies. The Materials of the Round Table]. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1499 (Accessed: 03.06.2024)

3. Welleck, R. & Warren, O. (1978) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Progress.
4. Kravets, A.S. (2007) Smysly i tsennosti [Meanings and values]. *Vestnik Moskovskogo universiteta – Bulletin of Moscow University*. 6. pp.3–27.
5. Leontyev, D.A. (2003) *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Mysl.
6. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Moscow: Akademicheskii projekt.
7. Deleuze, J. & Foucault, M. (1998) *Logika smysla* [Logic of meaning]. Moscow: Raritet; Yekaterinburg: Business Book.
8. Voevodin, A.P. (2012) Substantia humana. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya"* – *Scientific Notes of Taurida National Vernadsky University. Series "Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology"*. 1–2. pp. 3–17.
9. Vashkevich, N.N. (1998) *Sistemnye yazyki mozga* [Systemic languages of the brain]. Moscow: White elves.
10. Voevodin, A.P. (2014) Informatsiya i smysl [Information and meaning]. – *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya"* – *Scientific Notes of Taurida National Vernadsky University. Series "Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology"*. 3. pp. 3–19.
11. Leontiev, A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
12. Kant, I. (2009) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
13. Vilyunas, V.K. (1976) *Psikhologiya emotsional'nykh yavleniy* [Psychology of emotional phenomena]. Moscow: Moscow University.
14. Voevodin, A.P. (2010) *Esteticheskaya antropologiya* [Aesthetic anthropology]. Lugansk: Luhansk State University of Internal Affairs named after E. Didorenko.

УДК 008:316.32

DOI: 10.24412/2070-075X-2024-3-15-24

В.М. Москалюк

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье определяется влияние глобализации на культурное многообразие и идентичность, анализируются процессы, способствующие сохранению или разрушению культурного многообразия в условиях глобализации. Автором исследуется взаимосвязь между глобализацией и формированием культурной идентичности, противостояние и синергия глобальных и локальных векторов в развитии пространства культуры. Идентичность и многообразие культур, происходящая глобализация объединены единым концептуальным пространством культуры, следствием чего является их взаимодействие, инициирующее возникновение новых культурных форм.